

УДК 111.1 + 165.1

В. В. Волошин

(д. филос. наук, доцент)

Донецкий национальный университет (г. Донецк, ДНР)

E-mail: v.v.don7ff@gmail.com**ВОЗМОЖНЫЕ МИРЫ И СУПЕРВЕНТНОСТЬ**

***Аннотация.** Понятие «супервентность», преимущественно используемое для обозначения отношения между физическим и ментальным, экстраполируется в область теоретизирования о возможных мирах. Предпринятые экспликации позволяют уточнить онтологический статус и атрибутивные характеристики возможных миров, расширить эпистемическое пространство рассуждений о них. Наиболее адекватно отношения между мирами отражаются в формате логической и конститутивной супервентности. Тем не менее, во многих объяснительных контекстах термин «супервентность» предстает избыточным, нарушает принцип простоты и не может претендовать на ведущие роли в концептуальном каркасе философии POSSIBILISМА.*

***Ключевые слова:** возможные миры, супервентность, POSSIBILISМ, достижимость.*

Понятие «возможные миры» (далее – W , для единственного числа – w) появилось на философском горизонте благодаря Г. Лейбницу. В научный лексикон вошло в XX в., став элементом понятийно-категориального аппарата неклассической логики, онтологии, эпистемологии, литературоведения, философии религии, космологии. Термин « W » не имеет устойчивого и однозначного референта, является нерегистрируемым по объему и неопределенным по содержанию; общезначимая дефиниция отсутствует. Не способствует определенности использование синонимов – «POSSIBILISМ» (лат. *possibilis* – возможное), «универсумы рассуждений», «множественность миров», «контрфактические ситуации» и т. д. Относительная конвенциональная ясность присутствует лишь в области семантики возможных миров. Ее проблемы нашли отражение в работах В. Л. Васюкова, Р. Карнапа, С. Крипке, Р. Монтегю, А. Папа, А. Прайора, Е. А. Сидоренко, Д. Скотта, Е. Д. Смирновой, Я. Хинтикки, А. В. Чагрова и др. В пространстве социально-гуманитарных наук к концепту « W » обращались А. П. Бабушкин, Л. Долежел, В. П. Руднев, А. Плантинга, Х. Кюнг, У. Эко, М. Н. Эпштейн и др. Здесь теоретизирования о W разворачиваются в формате допарадигмальной науки Т. Куна с ее эвристическим хаосом конкурирующих гипотез и теорий. Попытка их объединения в некое «нормальное» учение проблематична, что не мешает созданию «синтетических» (неклассическая логика и эпистемология плюс философская антропология и филология) интерпретаций W (Г. В. Гриненко, Н. Гудмен, Д. Льюис, Н. Решер). Особняком стоят космологические гипотезы о параллельных вселенных (А. Виленкин, Б. Грин, М. Тегмарк, Х. Эверетт).

Что такое W ? Варианты ответов: возможные ситуации (истории) мира (С. Крипке); описания (сценарии) возможного состояния дел или вероятностное развитие событий (Я. Хинтикка); семантические и прагматические ситуации использования (Р. Монтегю); формы бытия, существующие наряду с нашей вселенной (Д. Льюис); версии реального мира, отличающиеся от стандартной некоторыми исчисляемыми способами (Н. Гудмен); точки соотнесения и/или различные собрания индивидов с дополнительной структурой или без нее (Д. Скотт); способ, которым вещи должны быть, чтобы предложение было истинным (К. Э. Андерсон);

мыслимые состояния бытия, альтернативные наличному (М. А. Можейко); точки соотнесения и контексты употребления, относительно которых производится истинностная оценка высказываний (В. В. Горбатов); любое полное положение дел (А. Плантинга); нереализованные в реальности положения дел (Д. Армстронг); максимально непротиворечивое множество пропозиций (Р. Адамс); представление *possibilia* в качестве конструкторов разума (Н. Решер); совокупность возможных существований, которые могут непротиворечиво образовать одно целое (М. Н. Эпштейн); конструкторы культуры (У. Эко); совокупность вселенных в программе предсказаний некоторых теорий (М. Тегмарк). Мы ограничились преимущественно фиксацией родовых понятий, которые скорее дополняют, чем исключают друг друга.

Рабочее определение: *W* – ментальные конструкторы, репрезентирующие релевантные, в некоторой системе модальных координат, *possibilia*-конфигурации существования индивидов и их функций, совокупностей позиций, событий, историй. Модальности (контексты) задают способы, с помощью которых эти конфигурации описываются, эксплицируются. Требования к *W* – непротиворечивость и полнота, достижимость и представимость. Условие полноты, в частности, гласит: во всяком мире, пропозициональная переменная встречается либо сама, либо с отрицанием. А. Плантинга, понимает полноту как завершенность, максимальную объемность. *A* обладает полнотой, если положение дел *A* включает положение дел *B* и «невозможно, чтобы *A* имело место, а *B* нет, или если соединенное положение дел *A*, но не *B* (положение дел, имеющее место, только если *A* существует, а *B* нет) невозможно» [5, с. 86–87].

Рассуждения о *W* «вообще» – эвристические, но нерелевантные в формате статьи. Ограничим предметно-проблемное поле. Наша цель – определить адекватность использования термина «супервентность» в пространстве теоретизирования о возможных мирах.

«Встреча» *W* и супервентности (далее – *Sv*) произошла в области аналитической философии сознания, где *Sv* преимущественно сводится к тому, что ментальные процессы детерминированы процессами физическими. Данный тип зависимости не предписывает привязки к законам природы, «соответственно не требуется и применение принципа редукции». [13, с. 159]. Тема *W* играет в философии сознания вспомогательную роль, хотя, например, у Д. Чалмерса «*W*» и «*Sv*» – элементы концептуального каркаса. И это оправданно. Наличие конструкторов, именуемых «*W*», заложено, пожалуй, в самой природе сознания. Последнее, обладая квалиа, не может не продуцировать отличные от реальности сущности, что неизбежно имплицитно парадокс: объективно мы живем в одном мире, но субъективно – нет. «Каждый из нас существует в актуальном мире, но личность также существует во множестве миров, отличных от действительного» [5, с. 88].

Английский глагол *supervene* означает «происходить вслед за чем-либо», «проистекать из чего-либо», «следовать за чем-либо», «дополнять исходное чем-то новым». Существительное *supervenience* переводят как «производность», «отношение детерминированности», «проистекание». «*Sv*» соотносится с такими понятиями, как обоснованность (*grounding*), наследование (*entailment*), онтологическая зависимость, редукция, но не тождественна им. Референт данного понятия – процессуальное отношение и это придает его анализу априорную незавершенность. Нельзя не учитывать, что семантика возможных миров не несет какой-либо информации

о конкретных мирах, а оператор возможности не является истинностно-функциональным.

Б. МакЛафлин и К. Беннетт определяют Sv следующим образом: «Совокупность свойств A супервертна по отношению к совокупности свойств B только в том случае, если различия между двумя фактами в свойствах A невозможны без существования такого же различия между двумя фактами в свойствах B . В форме слогана (slogan) это будет звучать так: «не может быть A -отличия без B -отличия. <...> Слоган применяется как к отдельным индивидам, так ко всем возможным мирам в целом. <...> Модальные истины супервертны по отношению к немодальным, а «не может» в формуле «не может быть A -отличия без B -отличия» имеет разную силу» [14]. С точки зрения Д. Чалмерса, понятие Sv формализует интуитивную идею о том, что одно множество фактов способно определять другое множество фактов. «Супервертность – это отношение между двумя множествами свойств: B -свойствами – интуитивно, *высокоуровневыми* свойствами и A -свойствами – более фундаментальными, *низкоуровневыми* свойствами» [11, с. 55]. Основой для дефиниции Sv Чалмерс видит следующую формулу: B -свойства супервертны на A -свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане A -свойств, но различные в B -свойствах, т. е. полная схожесть явлений по A -свойствам гарантирует их полную схожесть по B -свойствам (в работе Чалмерса, A – «антецедент», B – супервертно на A , будучи «консеквентом»).

Имеем логическую Sv – «не может по причинам логики», и естественную – «не может в соответствии с законами природы». Пример последней: давление моля газа супервертно на температуре и объеме. Логически возможна ситуация, при которой моль газа, при некоторой температуре и объеме, оказывает иное давление в w , где $R = 24,93$ Дж/(моль·К). А вот мир, в котором физические константы являются переменными – логически невозможен. Любая естественная возможность является логически возможной, но не наоборот. Естественная Sv устойчива, она – гарант стабильности «мировой линии», ибо не зависит от контекстов и обстоятельств употребления. С помощью термина « Sv » фиксируются онтологические взаимодействия, он используется для «характеристики уровней онтологий – таких структур бытия, в которых устанавливаются связи между явлениями различных уровней (видов)» [1, с. 92.], например, физическим и биологическим.

Естественная Sv может не коррелировать с буквально понятой представимостью. Невозможно представить миры фундаментальных частиц, время жизни которых – пикосекунда (10^{-12} с), а расстояния измеряемы в фемтометрах (10^{-15} м). Однако если «представимо» понимать как «представимо в качестве истинного в одном из миров», ситуация меняется. А. Пап пишет по поводу представимости: «Нельзя выводить высказывание p – *невозможно* из высказывания p – *невообразимо*, если невообразимость зависит от чьей-либо неспособности выработать простую понятийную составляющую p , или же если есть основания полагать, что попытка вообразить p окажется неудачной ввиду ограниченности чувственного опыта» [4, с. 201–202].

Разная модальная сила характерна для локальной (например, два объекта с одинаковыми физическими свойствами выполняют тождественные функции) и глобальной Sv (B -факты о мире в целом детерминируют A -факты, то есть не существует двух W , тождественных относительно их B -свойств, но различных в плане их A -свойств). Локальная (индивидуальная) Sv имплицитно глобальную супервертность, но не наоборот. «Никакие два возможных мира не могут отличаться в

том, о чем говорят общие факты, не отличаясь в том, о чем говорят частные факты. Таким образом, общие факты логически супервертны по отношению к частным фактам, даже если из вторых не проистекают первые» [14]. Допустима фиксация региональной Sv , локализованной пространством родственных миров, например, семейством авраамических религий. Однако такая Sv требует определения выделенного мира, что в отношении подобных семейств весьма проблематично.

Нельзя не отметить, что одним из оснований концепции W Д. Льюиса, наряду с модальным реализмом, является так называемая «люмовская супервертность». Ее суть: мир – совокупность физических фактов, все остальное – производное от них; возможные истины супервертны модели действительности, представленной образцами фундаментальных физических свойств. Такая Sv , хотя и претендует на статус глобальной, носит случайный характер. Чтобы избежать обвинений в априоризме, отмечает Н. А. Блохина, Льюис предлагает всегда делать отсылки к актуальности – тому, что имеет место в нашем мире. «Тогда принцип супервертности (у Льюиса – В. В.) будет звучать так: «...если два мира физически изоморфны, и если в каждом из этих миров не будет никаких чуждых для актуальности фундаментальных свойств и отношений, тогда эти миры будут абсолютно похожими...» [1, с. 96]. У Льюиса «действительный» – индекс, точка соотнесения. Референция индекса изменяется в зависимости от контекста произнесения. Мир, в котором имеет место данное произнесение и есть действительный. Следовательно, предложение «Это действительный мир» – истинное в любом из W , а предложение «Все миры действительны» – ложное. «Каждый имеет все основания назвать свой собственный мир действительным, но никто, где бы он ни находился, не может называть все миры действительными» [3, с. 367]. Не без влияния Льюиса в попперизме ускорился переход от семантики к онтологии, был дан импульс метафизическим исследованиям, вызвавшим неоднозначную реакцию. Один из ранних критиков W – У. Куайн – признавал, тем не менее, «непостижимость референции» и множество способов концептуального структурирования мира. У него онтология – совокупность объектов, существование которых предполагается теориями. Последние – различные описания и/или модели мира (Куайн, отличает собственно онтологию от «идеологии» – концептуальных систем, порождающих сущности).

Есть ли возможность выделить онтологические уровни W , зафиксировав их свойства? С Sv биологического на физическом все предельно ясно. Но это уровни действительного фактуального мира, причем первый – высший, второй – низший. Целесообразно ли интерпретировать «события» происходящие в W в качестве фактов? Только если понимать под фактами реализацию и распределение A и B -свойств или однозначно демаркировать факты внеязыковые и языковые (еще Г. Лейбниц указывал, что имеют место W , в которых факты вообще отсутствуют, при наличии «склеивающих» W истин разума). Нарушение законов природы во многих «конкретных» W и, соответственно, естественной Sv – вещь обычная. Но одно дело, «умышленное» нарушение (например, чудо в мирах религиозных доктрин), другое – физические аномалии, имплицитные некие возможные сущности, их свойства и функции (квантовые миры, в которых не соблюдается требование локальности или «расщепляющиеся» миры Х. Эверетта). Проблематично утверждать, что физический w и субъективный w , построенный с помощью, например, эпистемических модальностей («знает, что...», «предполагает, что...» и т. д.) отражают атрибуты *одного* мира. Может ли субъективный w , переформатируя паттерны действительности, «вырастая» из нее, быть более качественным, адапти-

рованным, структурированным? Есть ли основания, позволяющие считать тот или иной субъективный (интерсубъективный) w выделенным? При утвердительных ответах, мы 1) признаем отсутствие Sv ментального на физическом; 2) должны указать общезначимые критерии превосходства одного мира над другим.

Согласно Е. А. Сидоренко, эпистемически толкуемые W имеют два этажа – фактуальный (эмпирический) и теоретический. Они представляют собой некоторые множества высказываний. Первый этаж есть множество атомарных высказываний или их отрицаний. Второй – содержит предложения любого вида. «Знанию, присутствующему каждому познавателю, соответствует свое собственное, различным образом структурированное (что определяется тем, какие миры оказываются достижимыми друг из друга) множество возможных миров. К этому неизбежно приводят и различно понимаемая познавателями эмпирическая основа знания, и отличия в присутствии им теоретическом осмыслении эмпирических данных» [8, с. 234]. Такие различия коренятся не в онтологии, а в «идеологии», нагруженной оценками, верованиями, предпочтениями и т. д. Мы возвращаемся к зафиксированному выше парадоксу: «Каждый познаватель живет в том мире, который он себе представляет, если даже он ясно понимает, что мир как таковой, мир в себе, и мир представляемый, воспринимаемый это не одно и то же» [8, с. 235]. Соответственно, основой W есть не действительность сама по себе, а наши *знания* о ней, знания индексикальные. Действительный мир, как конкретное целое, распадается на множество эпистемических фрагментов, их селекция осуществляется субъектом в разных контекстах. Все это неизбежно ведет к пролиферации миров.

С точки зрения Дж. Серля, «производность» (так А. Ф. Грязнов удачно переводит *supervenience*) ментального от физического «отмечена тем фактом, что физические состояния каузально достаточны, хотя и не обязательно каузально необходимы, для соответствующих ментальных состояний» [7, с. 126]. Ментальность причинно обусловлена микрофеноменами нижнего уровня и в этой «снизу-вверх каузальности» нет ничего «загадочного» [7, с. 127]. Обратившись к этического контексту *mind-body problem*, Серл, наряду с каузальной производностью, фиксирует Sv , которая не причиняет и регулирует, но устанавливает, определяет, способствует формированию. Именно такая конститутивная Sv доминирует во взаимодействии W и действительного мира. Свойства последнего – не причина, а основа свойств первых. W нуждаются в пресуппозициях, смысловых паттернах, которые черпаются из массива знаний о действительности. «Никакой нарративный (воображаемый) мир не может быть полностью независим от мира реального, потому что не может сам создать *ex nihilo* цельный и заверченный универсум, наполнив его индивидами и свойствами» [12, с. 379].

Знания о действительном мире не детерминируют возможные сценарии (состояния), с их помощью лишь выстраивается каркас W . Классы свойств миров пересекаются, но и те носители свойств, которые избавились от «отеческой опеки» действительности, порождены ею. Такое странное пересечение, с неявным подчинением W действительности, спасает «обитателей» некоторых W (например, литературных и религиозных) от ярлыка «их объем равен нулю», позволяет осуществлять перекрестные идентификации. Как минимум, свойств индивидов и отношений между ними. «Мировые линии» не могут соединять «пустые миры» (Я. Хинтикка). Функции индивида, выполняемые им в W , есть «ипостаси» данного индивида в этих мирах или, скорее, *роли*, которые этот индивид играет при данном ходе событий» [10, с. 381]. Эти индивидуализирующие функции могут быть ограниченными,

ибо индивид, присутствующий в одном мире, может отсутствовать в другом. Тогда происходит «провал в мировой линии», ибо «индивидуализирующие функции, т. е. мировые линии функционально зависят от тех возможных миров, которые они должны связать между собой» [10, с. 387]. Хинтиikka акцентирует внимание на относительности индивидуализирующих функций. «Эта относительность, конечно, должна быть ожидаемой, если мировые линии, прежде всего, проведены (как это и было) на основе сходства между мирами и регулярностями, имеющими место в каждом из них. Члены более широкого класса возможных миров могут быть непохожими при сравнении друг с другом и иррегулярными поодиночке» [10, с. 386–388]. Не вызывает, например, сомнений, что мир «деревенской прозы» В. Распутина радикально отличается от мира постмодернистских произведений В. Пелевина, будучи гораздо больше супервентным на реальности. Относительность мировых линий – порождение концептуальных схем, той самой «идеологии» (не обязательно сциентистской). Именно она имплицитно порождает своего рода несоизмеримость W . «Если мировые линии должны проводиться на основе сходства между мирами и их внутренних регулярностей, тогда вся предметная область разрушится, когда начнут рассматриваться крайне несхожие и иррегулярные миры. И именно это имеет место в случае логических модальностей» [10, с. 392]. Последние легитимируют, в том числе, и «невозможные возможные миры», допускаемые в качестве эпистемических альтернатив.

Согласно С. Крипке, миры полагаются, но не открываются. «Возможный мир дан лишь посредством описаний условий, которые мы с ним ассоциируем» [15, р. 44]. Тот или иной мир не просто возможен, он возможен относительно *любого* другого мира. В реляционной семантике W не строятся на основании комбинирования положениями дел в реальности, она не является источником альтернатив. «Собственно при этом подходе действительного мира нет, а есть только выделенный мир» [9, с. 47]. Тогда Sv трансформируется в следование, которое мало что объясняет, хотя и дополняет исходное положение дел. В реляционной семантике (и не только) статус отношения-медиатора имеет достижимость. Она может быть нескольких типов. Если реализуется альтернативность, при которой A есть возможное будущее состояние B , где B – действительный мир и A отличается от B только истинностью случайных высказываний, достижимость – онтологическая и естественная Sv сохраняет свою силу. Однако «один мир может быть «достижим» из другого в том смысле, что он является продуктом воображения какого-то лица, принадлежащего этому последнему миру» [6, с. 91]. В этих случаях, достижимость – эпистемическая и апелляции могут быть лишь к Sv логической. Такие W уже не столько достижимые, сколько *допустимые*. Наконец, мир A может быть достижим из мира B посредством мира C . Тогда бинарная в своих основаниях Sv требует новых подходов и экспликаций.

Логическую Sv можно рассматривать как правильный переход от посылок к заключению. Невозможно мыслить нелогичный w . Логически W – это миры с отсутствующей (ограниченной) естественной Sv и/или «добавочным нефизическим материалом», по терминологии Д. Чалмерса, который находит три способа обнаружения логической Sv . Первый связан с представимостью (реализация одних свойств непредставима без реализации других). Второй – эпистемологический: знания о наличествующих (позитивных) A -фактах позволяют получить знания о B -фактах. Третий, – анализ. Его суть: «проанализировать интенционалы B -свойств с детализацией, достаточной для того, чтобы стало ясно, что B -утверждения вытека-

ют из А-утверждений в силу одних лишь этих интенционалов» [11, с. 100–101]. Чалмерс связывает две *possibilia* – естественную и логическую: «В-свойства логически супервентны на А-свойствах, если и только если для любой естественно возможной ситуации *X* и любой логически возможной ситуации *Y*, если *X* и *Y* А-неотличимы, то *Y* В-превосходит *X*» [11, с. 449], т. е. с помощью *Y* «достраивается» *X*. Доводы Чалмерса в пользу логической возможности миров с ангелами или летающими телефонами [11, с. 57–65] – убедительные и позволяют резюмировать: логически возможные ситуации – своего рода переформатирование и/или достраивание (перенасыщение) естественно возможной ситуации, не влекущее каких-либо «репрессий» в отношении *W* со стороны законов действительного мира.

Любой «возможный мир не может представлять собой ничего, кроме мира, подчиняющегося законам логики» [4, с. 144]. Миры полагаются (моделируются) в русле номологии заданных логических пространств. «Они возможны в смысле – быть возможными относительно заданных сеток репрезентации миров. Что соответствует таким картинам в реальности, возможны ли они в этом аспекте – это внешний вопрос» [9, с. 48]. Р. Карнап первый предложил демаркировать внутренние вопросы о существовании объектов (и их свойств) внутри концептуального каркаса и внешние (собственно, онтологические) – о существовании задаваемых каркасом систем объектов в целом. Карнап, которого трудно заподозрить в любви к метафизике, спрашивает: «Что мы понимаем под «возможным миром»? И отвечает: «Просто мир, который может описываться без противоречия. Сюда входят сказочные миры и вымышленные миры самого фантастического рода при условии, что они описываются в логически непротиворечивых терминах» [2, с. 49]. В отличие от эмпирических законов, законы логики и математики ничего не говорят ни о структуре мира, ни о том, «что отличало бы действительный мир от некоторого другого возможного мира» [2, с. 50].

W – понятие-голограмма, референт которого целесообразно рассматривать сквозь призму принципа дополнительности. В зависимости от интерпретации природы возможного (модальный реализм, концептуализм, номинализм и т. д.), варьируется и понимание *Sv*. Способность конструировать и анализировать *W* косвенно подтверждает тезис Д. Чалмерса о том, что сознательный опыт логически не супервентен на физическом. Квалиа проявляется в POSSIBILIZME максимально оригинально и парадоксально. Аномалии *W* можно отнести к «легким» проблемам сознания, ибо, по крайней мере, в рамках логической семантики они решаемы.

Если тезисы о *Sv* применять только к позитивным фактам и свойствам, которые не могут быть элиминированы вследствие расширения мира, необходимо, либо отказаться от *Sv*, либо, в духе Р. Карнапа и У. Куайна признать дуализм «внешнего» (онтологии) и «внутреннего» («идеологии»). Либо идентифицировать *Sv* с достижимостью: если в мире w_1 потенциально реализуемы и/или мыслимы изменения, при которых он трансформируется в мир w_2 , то второй не может не быть производным от первого. *Sv* имеет общие признаки и с условием полноты в понимании А. Плантинги.

Несмотря на то, что модальные истины как минимум «генетически» супервентны по отношению к немодальным, в пространстве *W* модальность диктует превосходство логической *Sv* над естественной и индивидуальной над глобальной. В *W* А-отличия допустимы и без В-отличий. Глобальная *Sv* действительна лишь в ближайших «окрестностях» актуального мира. Последний можно интерпретировать

как эпистемическую реальность, распадающуюся на отдельные фрагменты (миры).

Sv это не столько детерминистское подчинение одного уровня другому, сколько следования одного за другим. Редукция предполагает *Sv*, но не исчерпывается таковой. *Sv* уместна в рассуждениях о мирообразовании и мироустройстве, но далеко не всегда «компетентна» в вопросах смыслообразования и смыслоустройства. Естественная *Sv* действительна при наличии онтологической достижимости, она не всегда связана с представимостью. *W* структурно, но не каузально, производные от действительности. Не всякое следование супервентно.

Sv не гарантирует онтологическую первичность одних свойств по отношению к другим. В *W* нередко обнаруживаются «чуждые для актуальности фундаментальные свойства». «Провалы» в мировой линии ведут к «провалам» в *Sv* и, наоборот. Чем больше множество пропозиций, чем насыщеннее содержание *w*, тем выше вероятность «иррегулярностей» и «провалов». Дискуссионной является градация уровней бытия на основе *Sv*. Наличие действительного (выделенного) мира достаточно, но не необходимо для наличия *W*. С другой стороны, условно принимаемая естественная *Sv* позволяет демаркировать *W* и невозможные *W*, блокирует эпистемологический релятивизм. Такая контролирующая функция отводится и глобальной *Sv*.

В рамках актуализма (как впрочем, и модального реализма) понятие «*Sv*» видится избыточным. Для естественной *Sv* вопрос, как существуют (наличествуют) возможные (и невозможные) индивиды и их свойства, является некорректным, ибо идентификация носителей «консеквентных» свойств – процедура формальная. Логика же скорее подводит нас к выводу, что невозможных объектов мышления не существует, а вымышленные «конкретные» *W*, радикально отличающиеся от *W* неклассической логики, имеют определенный онтологический статус, по крайней мере, в формате «идеологий». *W* собственно в пространстве логики и разворачиваются. Логическую *Sv* допустимо редуцировать к непротиворечивости, когерентности, эпистемической достижимости, возможно – выводимости и представимости.

Логической *Sv* отчасти препятствует несоизмеримость *W*. Последние, как и научные теории, могут быть логически несопоставимыми, т. е. не иметь логических отношений, в том числе, – противоречия. *W* подвержены пролиферации, отличаются стремлением к иррегулярности и эпистемологической автономии. Логика не в состоянии отказать в существовании инобытийным регионам и запретить плюрализм миров. Логически возможны и невозможные *W*, однако стоит помнить предостережение Хинтикки: «не все возможные миры одинаково возможны». Трансформация фрагментарного субъективного *w* в непротиворечивое и когерентное множество интересубъективных пропозиций реализуема только под логическим контролем.

Приемлемой является конститутивная *Sv*, которую уместно трактовать как «производность». *W* строятся из элементов действительности (путем их комбинирования), проистекают из нее и дополняют ее. При наличии подобной пресуппозиции уместен анализ интенционалов и знаний о фактах. Интуитивно воспринимаемая конститутивная *Sv* хотя и объясняет формирование *W*, не несет в себе эвристички и новизны (в реляционной семантике объяснительная сила такой *Sv* – минимальная). И без *Sv* ясно, что роль действительности – основополагающая, а множество актуальных фактов в той или иной степени определяет *possibilia* факты. Три-

виальным также является то, что существенные (конститутивные) признаки объектов W далеко не всегда совпадают с атрибутами их реальных «прототипов».

Таким образом, « Sv » хотя и вписывается в понятийную систему, в формате которой можно осмысленно вести речь о W , не может претендовать на ведущие роли в концептуальном каркасе POSSIBILISMA. Экстраполяция Sv в пространство W нарушает принцип простоты, а именно – не упрощает исходные предпосылки и допущения; не способствует схематизации, формированию доступной и простой схемы объяснения и предсказания; ведет к пролиферации частных (не фальсифицируемых) положений, продуцирует *ad hoc* гипотезы. Более релевантным термином является «достижимость». Тем не менее, экспликации Sv позволяют если не объяснить, то уточнить и расширить теории W . Тема « W и Sv » – площадка для постановки и решения ряда проблем. В частности, многообещающими видятся интерпретации Sv и эмерджентности, расширение Sv до тернарной, анализ Sv в формате релевантной и временной логики; типология Sv имплицитно требует создания типологии W (вероятно, комбинативной); открытым остается вопрос о демаркации эпистемически возможного и логически возможного и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блохина Н. А. Метафизический смысл понятия супервентности в аналитической философии сознания // Российский научный журнал. – 2013. – № 7 (38). – С. 91–102.
2. Карнап Р. Философские основания физики. Введение в философию науки / Пер. с англ. Г. И. Рузавина. – М.: Прогресс, 1971. – С. 39–59.
3. Льюис Д. Ансельм и действительность / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой // Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика / Руководитель проекта и отв. ред. Е. Г. Драгалина-Черная. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2011. – С. 349–370.
4. Пап А. Семантика и необходимая истина. Исследование оснований аналитической философии / Пер. с англ. Е. Е. Ледникова. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 420 с.
5. Плантинга А. В защиту свободы воли // Аналитический теист: антология Алвина Плантинги / Пер. с англ. К. В. Карпова; науч. ред. В. К. Шохин / Ин-т философии РАН. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 74–112.
6. Прайор А. Н. Временная логика и непрерывность времени / Пер. З. А. Сокулер // Семантика модальных и интенциональных логик / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. А. Смирнова. – М.: Прогресс, 1981. – С. 76–97.
7. Серл Дж. Открывая сознание заново / Пер. с англ. А. Ф. Грязнова. – М.: Идея-Пресс, 2002. – С. 115–127.
8. Сидоренко Е. А. Релевантная логика (предпосылки, исчисления, семантика). – М.: ИФРАН, 2000. – 243 с.
9. Смирнова Е. Д. Возможные миры и понятие «картин мира» // Вопросы философии. – 2017. – № 1. – С. 39–49.
10. Хинтиikka Я. Семантика модальных понятий и неопределенность онтологии / Пер. с англ. В. Л. Васюкова // Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика. – С. 371–399.
11. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. В. В. Васильева. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 512 с.
12. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. – СПб.: «Симпозиум», 2005. – С. 371–448.
13. Юлина Н. С. Физикализм: дивергентные векторы исследования сознания // Вопросы философии. – 2011. – № . – С. 153–166.

14. McLaughlin B., Bennett K. Supervenience // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (2018 Edition). Edward N. Zalta (ed.). URL = <http://plato.stanford.edu/entries/supervenience/>
15. Kripke Saul A. Naming and necessity. – Oxford: Basil Blackwell, 1980. – 172 p.

V. V. Voloshin

(Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Donetsk National University

(Donetsk, Donetsk People's Republic)

E-mail: v.v.don7ff@gmail.com

POSSIBLE WORLDS AND SUPERVENIENCE

***Annotation.** The term “supervenience”, generally used to denote relationships between the physical and the mental, is extrapolated into the domain of theorization about possible worlds. The explications made in the present article allow identifying the ontological status and attributive features of possible worlds as well as broadening epistemic space of reasoning about them. The relationships between the worlds are represented more adequately within the framework of the logical and constitutive supervenience. However, the term “supervenience” appears to be redundant in many explicative contexts, it breaks the principle of simplicity and cannot pretend to key roles within the conceptual framework of the philosophy of possibilism.*

***Key words:** possible worlds, supervenience, possibilism, accessibility.*

Поступила в редакцию 6 июля 2018 г.